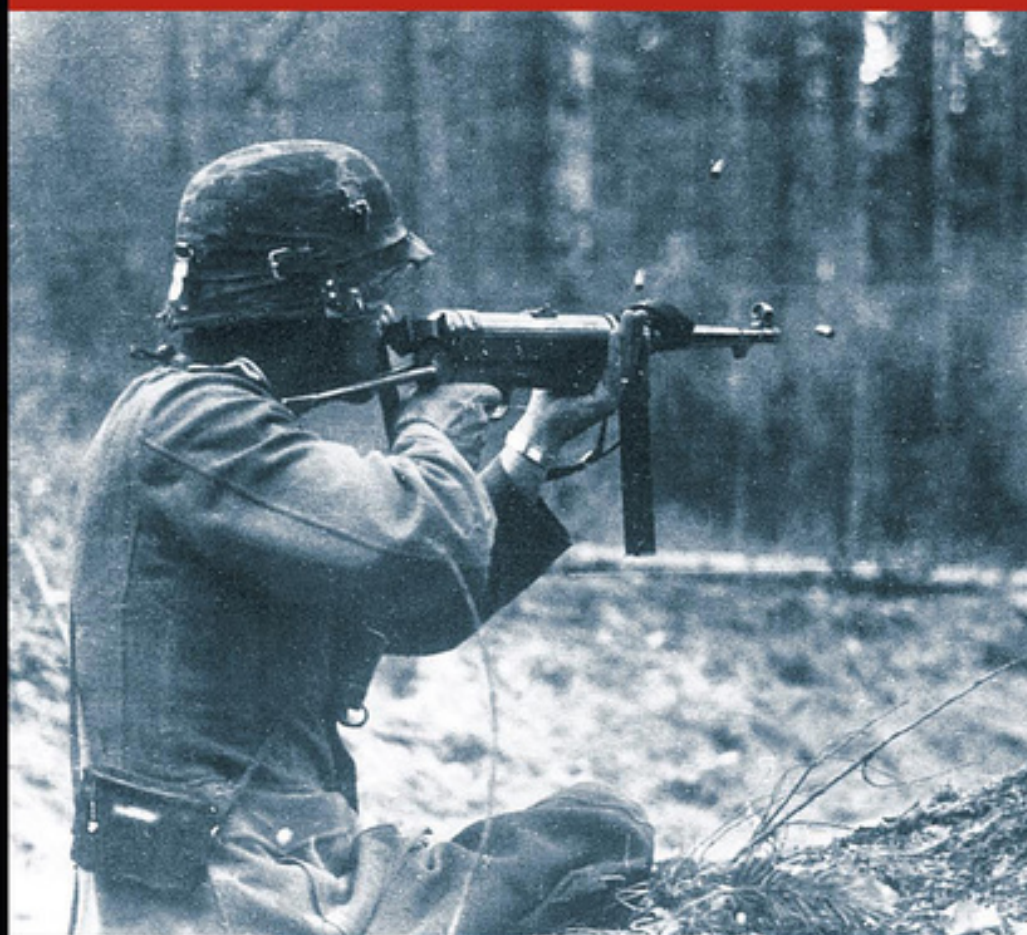

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Вальтер Хартфельд

ОДИНОКИЕ ВОИНЫ

**СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРМАХТА
ПРОТИВ ПАРТИЗАН**

1942–1943

За линией фронта. Мемуары

Вальтер Хартфельд

**Одинокие войны.
Спецподразделения вермахта
против партизан. 1942 – 1943**

«Центрполиграф»

2012

Хартфельд В.

Одинокие воины. Спецподразделения вермахта против партизан. 1942 – 1943 / В. Хартфельд — «Центрполиграф», 2012 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-4992-3

В книге рассказывается об одном из подразделений охотников-егерей (коммандос), созданном вермахтом для борьбы с партизанами и заброшенном в район белорусских лесов. В длительной и беспощадной борьбе у каждого члена группы было свое боевое задание, в результате развернутая антипартизанская война становилась схваткой человека с человеком. В. Хартфельд, командовавший в двадцатилетнем возрасте егерским подразделением, – один из немногих оставшихся в живых после этих невероятных боев, и его воспоминания – превосходное свидетельство всей нелепости войны.

ISBN 978-5-9524-4992-3

© Хартфельд В., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1 Эпизод с танком	5
Глава 2 Партизаны	9
Глава 3 Женя	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вальтер Хартфельд

Одинокие воины. Спецподразделения вермахта против партизан. 1942—1943

*Война является актом насилия, но она не ограничивается
проявлением такого насилия.*

Карл фон Клаузевиц. Из сочинения «Война». Книга I

Глава 1 Эпизод с танком

В пять часов пополудни танкисты увидели селение. Оно притулилось в излучине речки, крыши беспорядочно стоящих домов окрасились красноватым светом.

Унтер-офицер Шредер отдал приказ замедлить ход, а главному экипажу быть в готовности к бою. Слишком много безлюдных и сгоревших деревень, слишком много на вид безобидных хуторов оказывались взрывоопасными для стальных гусениц танков, когда разведывательный взвод двигался по заброшенным, как казалось, улицам русских селений.

Башня танка задраена. Лучше духота, чем эта въедливая пыль, которая разъедает глаза.

Внутри танка люди стали расслабляться. Из всего экипажа, казалось, беспокоился один Курт Рейнхардт. Двигатель вдруг заработал с перебоями и затем заглох. Вслед за наступившей тишиной послышалась брань. Юрген Эссен вытирал вспотевшее лицо, в то время как Большой Мартин кричал Шредеру:

– Эй, ты откроешь, наконец, люк!

Шредер открыл верхний люк башни, высунулся наружу и быстро закурил сигарету. Его первая затяжка оказалась трагичной. Он так и не познал вкуса второй затяжки, потому что раздалась пулеметная очередь. Не завершив перекур, Шредер медленно опустился вниз. Юрген снизу увидел сержанта в необычной позе и кровавое пятно на его комбинезоне. Он вскрикнул, схватил Шредера за ноги, и обмякшее тело убитого соскользнуло внутрь танка.

Далее все происходило очень быстро. Пушку, спаренную с пулеметом, навели наугад на восточную окраину деревни. Пулемет открыл огонь.

В это время возле остановившегося танка начали движение танк лейтенанта Штюмме и мотоциклисты сопровождения. Увидев вспышки огня пулемета, двадцать мотоциклистов, как на учениях, прыгнули в свои машины и помчались вниз по центральной улице деревни.

Клаус Штюмме прокричал по радиосвязи:

– Откуда стреляли?

– С востока... В девять часов... Шредер убит...

– Одной очередью?

– Да.

Клаус Штюмме быстро отдал приказы.

Больше ничего не происходило. Под солнечными лучами деревня казалась позолоченной. Скверная дорога вилась по пересеченной местности и терялась в лесу. Взгляд задержался на компактной группе низеньких домиков, а к востоку – на колодце в тени огромного дерева.

Через несколько минут подъехал другой танк, чтобы взять на буксир застрявший, и взвод достиг деревни.

По прибытии Клауса Штюмме встретил полковник Брандт, который находился, по обыкновению, в танковом взводе, шедшем в авангарде. Невысокий и толстый, он выглядел в черной куртке танкиста довольно смешно, а потертая фуражка придавала ему вид доброго бюргера.

– Лейтенант Штюмме, – отрапортовал Клаус. – Жду ваших приказаний, господин полковник.

– Что случилось?

– Я обнаружил на дороге танк Шредера с заглушим двигателем, его тянули на буксире к деревне. Шредер убит... Одной-единственной очередью.

– Возьмите десять человек и осмотрите место.

Штюмме направился к ожидавшим его мотоциклистам, моторы их машин работали на холостом ходу. Он быстро отобрал солдат и собрался уйти, когда два танкиста попросили у него разрешения сопровождать патруль. Клаус Штюмме пожал плечами. Легче найти замену пехотинцу, пусть даже на мотоцикле, чем экипажу танка. Если смерть для всех солдат одинакова, то приказ требует ее конкретизации. Как на войне: выбор в первую или вторую очередь. Но в конце концов необходимо, чтобы время от времени проблемы личного состава решала война.

Деревня, не тронутая войной, казалась полностью безлюдной. Солдаты осторожно ступали вдоль стен, соблюдая дистанцию в десять шагов один от другого. Они взяли за ориентир колодец у дерева и принялись обыскивать дом за домом с оружием наперевес. Именно Большой Мартин обнаружил единственный дом с обитателями. В дальней от колодца избе проживали древняя старуха и двое детей. Сидя на полу, старуха раскачивалась и плакала. В большой продолговатой корзине стонала под грязной мешковиной маленькая девочка. Ее глаза были закрыты, лицо с нездоровым румянцем. Мальчик, рядом с которым стояло ведро воды, закрывал ее лицо грязной тряпкой. Обстановка в избе угнетала. По знаку Мартина в избу вошли Штюмме и другие танкисты.

– Только этого и не хватало. – Юрген Эссен снял черную пилотку и подошел к детям. Мальчик хотел было отшатнуться, но затем протянул солдату влажную руку.

Клаус, обеспокоенный состоянием девочки, расспрашивал старуху.

– Да, да, – отвечала старуха, – очень больна, сильная лихорадка.

– Пойдем, здесь ни черта нет... пойдем, Мартин, посмотрим, сможет ли что-нибудь сделать врач.

Штюмме остановился на пороге в ожидании, пока его люди медленно возвращались к избе. Один солдат подошел к колодцу зачерпнуть воду и стал пить в окружении своих товарищей.

Проходясь, Клаус Штюмме натолкнулся на Большого Мартина и лейтенанта медицинской службы Гюнтера Грабера, которые шли к избе. Он присоединился к ним.

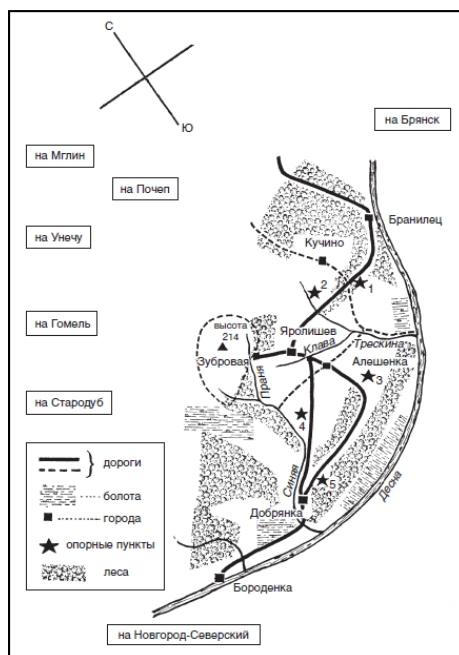
Клаус вошел первым. Он остановился на несколько мгновений, чтобы привыкнуть к темноте, поскольку день был короток, а маленькие окна пропускали лишь немного света. Ему пришлось быстро признать очевидное: изба была пуста. Осталась только корзина, в которой раньше лежал ребенок. Мартин вытаращил глаза:

– Черт возьми... Дурацкий фокус... Нет ни старухи, ни малышни.

В недоумении он внимательно осмотрел пол и энергично пнул корзину ногой. Сразу же показалась крышка погреба. Он нагнулся, потянул за кольцо в крышке, открыл ее и склонился над спуском в погреб. Штюмме осветил тесный подвал. В углу плесневели несколько залежалых морковин. На полу валялись пустой магазин от ручного пулемета и шапка с красной звездой. Виднелось несколько пятен крови.

Теперь искать было бесполезно. Старуха, дети и солдат могли убежать за это время десять раз. Штюмме ругал себя за то, что не поставил часового, и надеялся, что взвод охраны на опушке леса, возможно, заметит и схватит беглецов. Вся тройка вернулась на КП.

Когда Клаус рапортовал, полковник Брандт слушал его, не задавая вопросов. И понятно почему. Ничего нового в этом трюке с детьми не было. Он спросил себя, могли бы его собственные дети поступить так же, и решил, что не могли.

Вечером Клаус Штюмме присоединился к унтер-штурмфюреру (лейтенанту СС) Хайнцу Просту, чей пехотный полк сопровождали бронемашины. Офицер СС сказал ему, что в оккупированных деревнях уже собрано, иногда по мелким кусочкам, около двадцати трупов солдат. Они погибли в результате одиночных нападений – в одном из них был убит Шредер – или подорвались на минах. Одно взрывное устройство в виде аптечки унесло жизни двух медсестер. Заминированный ворот колодца отправил одного унтер-офицера в госпиталь, а трех солдат – в могилу.

Именно во время этого разговора Хайнц Прост впервые произнес слово «партизан». И они, двое, инстинктивно почувствовали, как у них на глазах война становилась другой. Если и существовали селения, где крестьяне предлагали цветы и свежую воду, то было гораздо больше безлюдных и враждебных деревень, неизвестно куда ведущих дорог, где на немцев неожиданно обрушивался огонь советского оружия. Противник прятался в лесах, болотах, растворялся в городских толпах. Для Клауса Штюмме две войны, два способа боя накладывались друг на друга, и он кожей чувствовал нависшую над ними всеми угрозу. Хайнц Прост, методичный, озабоченный прежде всего достижением главной цели войны, Москвы, с беспокойством наблюдал, как температура воздуха падала на несколько градусов каждый день.

На следующее утро, когда отряд приготовился к дальнейшему маршу, выяснилось, что часового на опушке леса зарезали. С него, когда он уже ничего не слышал и не видел, сняли сапоги. Труп лежал в двадцати метрах от опорного пункта, весь в крови, на спине, с раскинутыми руками.

Унтерштурмфюрер вычеркнул еще одно имя из списка личного состава и записал напротив: погиб в бою у деревни Воржны.

На выходе из деревни Хайнц Прост увидел указатель с надписью: «Берлин 1052 километра». Он сердито передернул плечами.

Две группы разошлись в Севске. Следующей ночью русские диверсанты подожгли один из складов горючего танковой дивизии. Вечером следующего дня в маленькой глухой деревушке, где остановился на закате дня отряд, пятерка советских самолетов совершила бомбардировку с малой высоты. Получив ранение в ногу и левое плечо, Клаус Штюмме был эвакуирован в гомельский госпиталь, откуда его отозвали в Берлин приказом из штаба.

Партизаны в тылах немецких войск опасно активизировались, и командование группы армий «Центр» стало настойчиво требовать создания специальных отрядов.

Глава 2 Партизаны

Яковлев, лежа на снегу, внимательно наблюдал за железнодорожным полотном, тянувшимся вдоль кромки обрыва. Поезд пройдет лишь в час ночи. На мгновение возникло желание атаковать патруль, неясные силуэты солдат которого он заметил. Но тогда вся ночная операция может быть провалена, если один из этих чертовых немцев успеет поднять тревогу.

Терентьев, видя беспокойство товарища, передал ему горсть семечек подсолнечника, которую силач принял ворча:

– Долго ждать...

– Зато будет красивый фейерверк, который расцветит снег.

На горизонте показался паровоз, перед которым двигалась платформа с мешками, заполненными песком.

Партизаны забыли о холоде и томительном ожидании, замороженные тем, как большие колеса метр за метром продвигают поезд к западне.

После прохождения платформы с мешками песка Яковлев навалился на детонатор всей тяжестью тела, и поезд после ослепительной вспышки взлетел на воздух.

Русские несколько секунд наблюдали, как бушевал огонь, затем молча отправились в чащу леса.

За письменным столом, позади которого лежали пустые ящики для боеприпасов, писал Гайкин. Седеющий, со щетинистыми рыжими усиками и дружелюбной улыбкой, он уверенно руководил службой информации отряда и ежедневно добросовестно отмечал подробности всех операций. Он вынашивал голубую мечту представить в один прекрасный день кому-нибудь наверху, возможно даже в Москве, длинный список уничтоженной техники, подвижного состава и живой силы противника.

По прибытии Яковлев попросил представить ему итоги операций за две недели.

18 февраля: брошена граната в грузовик службы снабжения 150-го противотанкового полка: трое убитых, двое раненых вражеских солдат.

23 февраля: колонна из шести грузовиков была блокирована у завала на дороге. Пулеметы партизан косили из засады немцев одного за другим. Захвачено: 10 ящиков гранат; 21 винтовка (карабин); 3 ручных пулемета; 1 станковый пулемет; 8 ящиков боеприпасов; запасы продовольствия. Собрана одежда убитых.

28 февраля: подорван поезд с солдатами-отпускниками. Количество погибших не установлено. В составе поезда имелся пассажирский вагон для гражданских лиц. В соседние деревни были отправлены люди из отряда для разъяснения обстановки.

2 марта: взорван поезд с боеприпасами. Полностью уничтожено вместе с паровозом 15 вагонов. Движение на железной дороге прервано на сорок восемь часов.

Терентьев, в прошлом инженер на тракторном заводе, подошел к двум партизанам и прочел написанное поверх плеча Гайкина.

– Яковлев, помнишь старого генерала, которому мы помогали в Минске?.. Он говорил, что в России много лесов и что фашисты никогда не смогут вырубить их все. За каждым сохранившимся деревом будет стоять русский человек, готовый атаковать.

– Надеюсь, мы не подведем, – ответил, смеясь, Гайкин.

Светловолосый Ковалев, чистивший ружье, посмотрел на него и пробасил:

– Все леса наши друзья.

Много деревьев было вырублено в Плоском, где дислоцировалось то, что осталось от танкового полка полковника Брандта после провала наступления на Москву.

В пойме реки к востоку от деревни при двадцатиградусном морозе промерзшая оружейная сталь пристаёт к коже. Когда над большим Мартином пронеслась первая пулеметная очередь, он рухнул в снег. Его рот сразу набился белой дрянью, а вскоре за шиворот потекли тонкие струйки талой воды.

Рядом с ним Юрген Эссен и Рейнхардт с тревогой косились на колючую проволоку, которую им следовало перерезать, чтобы проползти дальше.

На фланге развернутого строя Вольфганг и Фридрих Ленгсфельды тщательно зарыли в снег черные ящики, отсвечивающие смазкой. Когда загрохотали минометы, они взглянули с безразличием на белые столбы, взметнувшиеся в воздух, и начали разматывать электрический провод.

Другие солдаты медленно ползли, втянув голову в плечи – «как гладильные доски». Лейтенант Прост стоял у пулеметов и внимательно следил за людьми и траекторией стрельбы. Клаус Штюмме находился рядом и спрашивал себя, сколько еще времени солдаты будут лежать на земле до конца учений. Но у Хайнца Проста тоже был резон. Чтобы жить, или, вернее, выжить, нужно уметь вести себя под обстрелом так, как моряк или крестьянин ведет себя во время бури, чтобы выработать в себе новые инстинкты. Страх исчезает, когда вырабатываются рефлексy профессионала.

Хайнц Прост дал свистом сигнал об окончании учебных стрельб, и отделения медленно вернулись в деревню, бывший колхоз, где почти месяц офицеры и солдаты жили странной общинной жизнью. Измученные, грязные, неопрятные, в одежде наполовину гражданской и наполовину военной, они больше напоминали группу бандитов, чем отборное подразделение. Клаус засмеялся, вообразив физиономии офицеров ОКВ, инспектирующих команду егерей под нулевым номером.

Команду егерей под нулевым номером...

Это название егерям нравится. Они оказались в списке личного состава спецподразделения, маленькой резервной группы из восьмидесяти человек, выделенной для ведения дистанционной войны. В ее ходе они должны бороться в одиночку в деревнях, не обозначенных на карте, в лесах, в которых должны действовать, как на улицах города.

В сарае бывшего колхоза егеря чистили оружие под неусыпным контролем унтера Герта Байера. Независимо от времени и усталости, это была их первейшая задача: потому что их жизнь зависела от бесперебойного действия этих хорошо смазанных металлических изделий и точных приборов.

В углу Пауль Швайдерт, бывший понтонер, и Густав Хальгер готовили задания по русскому языку.

Людвиг и Райхель, отряженные на хозяйственные работы, следили за кастрюлями, обсуждая достоинства разных баб, которых трахали до начала войны.

Это было приятное время суток. В жаркий день сухая солома царапала кожу. Конечно, перед тем, как дрыхнуть, полагалось заняться русским языком и упражнениями по дзюдо. Но какое-то время они были в безопасности.

Ханс Йорг, именуемый коротко Ха-Йот, настраивал радио и начинал каждодневный отдых. Маленький и очень худой, он обладал самым скверным характером во всей группе. Его отец, арестованный гестапо в 1937 году, сидел все это время в концлагере. Первые контакты Ха-Йота с парнями из СС были трудными. Восемьдесят добровольцев прибыли в подразделение коммандос из всех родов войск: пехотинцы, танкисты, из войск СС, СД, и вначале было нелегко избежать драк. Но Прост и Байер обладали быстрым и точным ударом и, само собой, справлялись с трудностями с помощью Карла Вернера, гессенского лесоруба.

После вызова вечером, в то время как часовые заступили на службу в холодную ночь, Клаус Штюмме отправился спать на свою койку рядом со своим вторым заместителем, лейтенантом СД Манфредом фон Ритмаром. Давние друзья, они встретились в госпитале в Гомеле.

А поскольку Берлин требовал присутствия в команде офицера СД, Клаус выбрал своего товарища по университету в Гейдельберге (в атласах последних лет – Хайдельберг. – *Ред.*).

Фон Ритмар оказался ценным приобретением. Отличный стрелок, удивительно стойкий, неизменно спокойный, он служил для группы примером самообладания. Тем не менее в психологическом отношении с ним было что-то не так. Он иногда надолго замолкал, вежливо отказываясь от ответов на прямые вопросы.

Штюмме вспомнил учебные стрельбы боевыми патронами, которыми руководил фон Ритмар. Внезапная бледность лица, странная неподвижность серых глаз, нервные движения выдавали его тревогу. Но Штюмме так ничего и не узнал.

В тот вечер Манфред, расслабившись, начал говорить о замках на берегах реки Неккар в Баден-Вюртемберге.

Теперь подготовка коммандос была завершена. Осталось решить единственную проблему: найти врача. Хайнц Прост, истинный солдат, думал прежде всего о деловых качествах. И он знал, что бойцу легче сражаться, если он чувствует, что кто-то за его спиной готов оказать ему помощь в возможном лечении и восстановлении к полноценной жизни. После долгих раздумий Клаус Штюмме остановил свой выбор на Гюнтере Грабере, враче из его бывшего танкового полка.

Между ними состоялся эмоциональный разговор.

Клаус изложил суть дела. Гюнтер рассмеялся:

– Давай говорить серьезно, Клаус. Я военный, а не певец кабаре... В этом нет смысла. Ты себе можешь представить, чтобы индейцы на тропе войны играли роль миссионеров?

– Ты слишком раздражен... А ведь знаешь, что восемьдесят парней нуждаются в тебе... И еще, когда летнее наступление закончится, наша победа будет не за горами.

– Знаешь, я слышу это каждый день... разве что не от парней, которые получили под зад у Москвы... Уверяю тебя, у них не возникает вопросов о победе в войне.

Затем Гюнтер вздохнул и добавил:

– В конце концов... я все равно постараюсь быть солдатом, потому что предпочел бы спасти одного человека из восьмидесяти, чем видеть, как погибают десятки людей, для которых я ничего не могу сделать.

Приказ по дивизии поступил в начале марта. Роте предстояло двигаться на восток. Коммандос обеспечивали безопасность войск, начав патрулирование вдоль всей дороги к городку и станции железной дороги Навля. Отряд отправился из деревни Плоское до выступления главных сил – в двенадцать часов.

В два часа после полуночи четыре взвода коммандос исчезли в ночи. Четыре разных маршрута позволяли им соединиться в первом пункте сбора.

Хайнц и его взвод получили после жеребьевки самый трудный путь. После выхода из села они должны были пересечь простреливаемую долину, подняться на гряде, которая большим полукругом пересекала главную дорогу, и выйти к высоте в пункте сбора. С самого начала отряд преследовали неприятности. В возбуждении люди шли слишком быстро и взмокли. Большой Мартин провалился в яму под снегом, откуда пришлось выбираться.

На карте лесная дорога не была обозначена. Скорее, это была просека в лесу, и только Карл Вернер, лесоруб, шедший впереди, интуитивно находил направление, ориентируясь среди деревьев.

Справа от дороги начался березовый лес. У фон Ритмара было ощущение, что он видит фотографический негатив, когда все представляется наоборот: чахлые, светлые стволы, белая земля, черное небо. Он резко переключил мысли на Гомель, и его охватил иррациональный страх, который нарушал привычную размеренность хода. Он рванул вперед быстрее, чем

обычно, с открытым ртом, сбил дыхание и в попытке избавиться от этого состояния, знакомого всем спортсменам, стал считать шаги на каждый вдох и выдох.

Через три часа четыре взвода увидели крыши Лубрянки. В принципе деревня была «лояльной», но Хайнц и Клаус опасались часто поспешных оценок разведки, решив обойти дома фланговыми взводами, то время как их собственные взводы выслали разведчиков.

Крыши домов по-прежнему едва выделялись на фоне неба, и видимость оставалась ограниченной, несмотря на подсветку от снега. Такая панорама предстала перед Клаусом, когда он смотрел в бинокль.

Солдаты рыли одиночные окопы, тогда как взвод разведки в белых маскировочных халатах отправился в деревню. Людвиг решил поиграть в разведчика, полагая, что в новом месте неплохо бы опередить товарищей в поисках чего-нибудь пожрать и выпить. Это было его целью номер один. Неплохо, конечно, сделать это с девочками. Впрочем, если подхватишь гонорею или сифилис, то это легко не проходит. Именно Людвиг увидел лошадей под навесом у избы. Лошади были в данный момент в дефиците. Армия быстро реквизировала лошадей на занятой территории, поскольку они представляли собой единственное надежное транспортное средство. Так что наличие в деревне лошадей нельзя было признать делом обычным. Людвиг приказал трем другим разведчикам оставаться на месте и наблюдать, пока он вернется к капитану Штумме, чтобы доложить о своей находке.

Когда прибыл Людвиг, у Клауса был Хайнц.

– Обнаружены лошади, господин капитан... В доме слева, у самой середины главной улицы... Помимо этого ничего нет – ни звука. Часовых я не видел, и это неудивительно.

Хайнц попросил Людвигу начертить все, что он видел. Черчение было одним из хобби Людвигу. Он всегда носил с собой небольшой альбом для чертежей вместе с карандашом.

– Пока ничего не ясно... Надо продолжать разведку и окапываться... Предупредить Манфреда и Байера... Отправляйтесь через пятнадцать минут.

Оба офицера сверили часы.

– А часовые, господин капитан... Невозможно, чтобы там ничего не было...

– Я займусь этим.

Пока Хайнц – который должен был подать сигнал тревоги – пошел устанавливать пулеметы на позиции и отдавать приказ об атаке рассыпным строем, Клаус внимательно просматривал сельскую улицу через бинокль. Людвиг прав: должны быть часовые.

Его глаза охотника изучали улицу и дома метр за метром. Он ощущал себя в хорошей форме, по крайней мере, на войне! Прикинул, что можно сделать, чтобы скрывать где-нибудь часовых. Не слишком далеко от лошадей, в месте, где хорошо просматривалась дорога. Несколько деревьев, которые он видел, были слишком оголены, чтобы укрыть кого бы то ни было. Оставались крыши и их закраины. Он осмотрел каждый дом. Ничего необычного. Имелся колодец, но он так вписался в пейзаж, что был почти не заметен. Это был обыкновенный колодец с журавлем, устремленным к небу. По краям каменный бордюр. При внимательном рассмотрении колодец показался в чем-то необычным. Очевидно, у края колодца, слившись с ним, укрывался часовой. Совсем не глупо. Клаус посмотрел на часы: еще девять минут до сигнала. Повернулся к Людвигу:

– Сообщи лейтенанту Просту. Я обнаружил дозорного. Намерен нейтрализовать его, затем воспользуюсь проходом, который ты сделаешь. Пусть нас прикроют. Потом мы займем позицию у угла колодца. Вот, возьми мой бинокль, он мне мешает.

Клаус начал ползти по снегу, держа в поле зрения колодец. Примерно через сорок метров он достиг трех разведчиков и объяснил им, что нужно делать. При отсутствии непосредственной опасности допускалось использование только кинжала.

Слева Клаус заметил небольшую изгородь и направился к ней. Он намеревался обойти колодец так, чтобы русским не удалось его заметить и поднять тревогу. До сигнала к атаке оставалось мало времени, и он, несмотря на промокшую одежду и возбуждение от охоты, ловко и осторожно продвигался по снегу. В мертвой зоне у колодца он слегка поднялся, чтобы двигаться быстрее.

Прежде всего, он увидел какой-то продолговатый кузов, набитый, как ему показалось, соломой. До русского будет добраться нелегко.

Клаус приблизился и тихонько постучал по кузову. В ответ послышался непонятный хрип. Постучал снова. Задняя часть кузова открылась. Высунулись две ступни, затем ноги целиком. Клаус ждал, занеся руку с кинжалом. Когда из кузова показалась верхняя часть туловища русского, то прежде, чем он смог повернуться, Клаус нанес сильный удар.

«Это труднее, чем я полагал», – подумал Клаус. В тот же момент в небо взвились ракеты, и он поспешил укрыться.

По улицам в ряд застрочили ручные пулеметы, они вели прицельный огонь длинными очередями. Встревожились и заржали лошади. Из многих изб выбегали вооруженные люди. Они прижимались к оврагам, затем бросались на землю. Поскольку русские не ожидали нападения с востока, они начали уходить в этом направлении. Однако в то же время на заснеженном поле поднялась с автоматами наперевес группа во главе с Хайнцем, атакуя деревню. Русские немедленно установили пулемет на углу дома. Клаус заметил опасность, пустил ракету и не спеша открыл огонь. В него бросили гранату. Из предосторожности он нагнул голову, но до гранатометчика было слишком далеко. Он дал еще три очереди, и пулемет замолк.

Теперь командос двигались вдоль первых домов. Клаус увидел группу людей, повернувших снова на север, и услышал первые очереди, блокирующие спасающимся бегством русским выход из деревни.

Десять советских партизан все еще стреляли. Они быстро попали под перекрестный огонь и попадали на землю один за другим.

Хайнц вслед за Клаусом побежал к лошадям. Четыре из них были ранены, их следовало пристрелить. Две другие демонстрировали свой неистовый нрав. Немцы быстро осмотрели партизан. Все были мертвы. К востоку все еще продолжалась перестрелка, и Клаус послал четырех солдат узнать, какова ситуация. Установили на позициях ручные пулеметы, затем Клаус и Хайнц побежали проверять избы вместе с теми, кто не имел других поручений. Пинками ног и ударами прикладов быстро заставили открыться все двери и приступили к обыску домов. В избе, рядом с которой были привязаны лошади, никого не было. Обнаружили продовольствие, листовки, несколько ружей.

Затем немцы заставили собраться всех жителей деревни.

Между тем фон Ритмар и унтер Байер расставили своих людей, освещая местность ракетами. Дозорные заметили в сумраке тени близ деревни и начали стрелять, но без особого успеха, поскольку высокие склоны по обочинам дороги позволили русским скрыться. Рядом располагался лес, и настичь их было бы трудно.

Манфред приказал соединиться взводам. Адьютант Байер догнал, когда они углубились в лес, и вернул в деревню.

Восемь часов утра. Женщины и дети жителей деревни собрались перед избой рядом с конюшней. Начались бесконечные допросы.

Переводчики ничего не добились. Знакомая история.

– Да, партизаны приходили сюда вечером. Они охотились на жителей трех домов, чтобы увести их с собой. Нет, мы их не знаем. Наверняка это люди из другого района, иначе они бы понимали, что мы не хотим попасть в скверную историю.

Пауль Швайдерт, который по приказу Клауса проник в толпу, услышал, как две женщины – одна молодая, другая старуха – смеялись над глупостью солдат-фашистов и говорили: «По словам Степана Яковлева, они такие же скоты, как и сволочи».

Бывший понтонер взял их за руки и отвел к Клаусу. Когда женщины зарыдали и завопили, потребовалось еще два солдата, чтобы их утихомирить. Допрос возобновился. Но в этот раз солдаты взяли жителей деревни «на мушку».

Было установлено, что партизаны наведывались в деревню уже четыре или пять раз, откуда они могли присматривать за станцией Навля. Попутно Клаус выяснил фамилии их командиров: Ковалев, Яковлев, Гайкин, которые уже встречал, знакомясь с донесениями разведки.

Для проформы бросили несколько гранат в избы, где ночевали партизаны. Также для проформы расстреляли старого старосту. Прецедент с партизанами не прошел даром, те несколько человек, что остались в деревне, запуганы и теперь будут знать, как себя вести.

В этот день других инцидентов больше не было. Под охраной коммандос рота проследовала к Навле, пройдя сожженные или брошенные русские деревни, запорошенные снегом.

Глава 3 Женя

В Навле капитана Штюмме ожидали приказы из Берлина.

После сбора с оружием и снаряжением отряд егерей немедленно переправили на грузовиках в городок Ревны, находящийся в двадцати километрах, где отныне располагался оперативный КП (командный пункт) и базовый лагерь отряда.

В Ревнах Клауса ожидал первый приятный сюрприз в виде длинноволосого молодого офицера, руководившего службой разведки района. Маленький, худой, но с большой круглой головой, Ханс Фертер, будучи доктором философии и большим любителем девушек, решил вести войну в одиночку. Он зачастую восхищался прочитанными трактатами по психологии, старался внедрить ее формулировки в армейскую жизнь как можно точнее. В нем родился актер, безобидный вид позволял ему обезоруживать злую волю – то есть волю своего начальства, – а должность, которую он занимал, подходила ему как нельзя лучше.

Когда Клаус Штюмме объяснил ему, что от него требуется, восторгу Ханса Фертера не было границ. У него вызвали воодушевление отнюдь не задачи, поставленные перед командой егерей, но то, что у него под рукой находился блестящий аппарат для оценки методов его работы. Он мог наконец проверять достоверность своих донесений. Фертер представил на мгновение, что будет, если он совершит ошибки, и что в этом случае бойцов отряда ожидает много неприятностей. Но он отгонял эти дурные мысли. У каждого свое ремесло.

Двое офицеров быстро стали друзьями. Другие тоже. Манфред, Хайнц и Гюнтер быстро привыкли к розовому дому (идея Фертера, который перекрасил избу на глазах изумленных русских).

– Понимаете, – объяснял он, – это единственный розовый дом. Ничего не поделаешь, мне не найти такого дома в глуши. Его все знают. Кроме того, меня принимают за немного неуживчивого типа (оригинала, который цапается с начальством). Это дает мне некоторую гарантию личной безопасности. И потом, – добавил он, подмигивая, – такой дом легче найти женщинам...

Фертер установил наличие пяти, в крайнем случае шести организованных партизанских отрядов. Терпеливо собирал все отчеты по региону: об убийствах старост, минировании участков дорог, диверсиях на железной дороге, других террористических актах. Протоколы допросов захваченных партизан – прежде чем их повесили или, в лучшем случае, расстреляли, – также поступали в его отдел. И потом, у Фертера, конечно, имелись собственные агенты, которых окрестили «его очки». Фертер был разговорчив и мог целыми часами вести беседы с крестьянами, с которыми приходил знакомиться. Также благодаря ему командос использовали трех местных жителей, этнических немцев из этого района (немцы, эмигрировавшие в Россию в XVIII и XIX веках, селились в основном по берегам Волги и на юге Украины. В начале войны восемьдесят процентов из них были депортированы. – *Пер.*),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.